

ДЕНЬГИ КАК НАРРАТИВ ЭПОХИ

В статье предлагается рассматривать нарративность языка купюр как способ репрезентации, нарративизации и представления основных исторических событий эпохи. Исследуется язык денежных знаков как способ определения роли, цели и ценности создания тех или иных денег. Полипарадигмальность через призму нарратива показывает, как исторические факты тесно переплетаются с веяниями искусства, географические аспекты вбирают в себя культурологию и лингвострановедение. Законодательные нюансы соседствуют с подробностями и курьезами принципиально значимых изобретений. В историческом повествовании такого типа нарративизация становится способом формирования отдельных мировоззренческих аспектов.

Ключевые слова: сюжет банкнот, бонистика, нарратив эпохи, визуализация исторических событий.

MONEY AS A NARRATIVE OF AN ERA

The article proposes to consider the narrativeness of the banknote language as a way of representing, narrating and establishing the main historical events of an era. The paper studies the language of banknotes as a way of determining the role, purpose and value of creating this or that money. The polyparadigmism through the prism of narrative shows how historical facts are closely intertwined with the trends of art, geographical aspects incorporate cultural studies and linguistic and regional studies. Legislative nuances coexist with details and curiosities of fundamentally significant inventions. In a historical narrative of this type, narrativization becomes a way of forming separate worldview aspects.

Keywords: plot of banknotes, bonistics, narrative of an era, visualization of historical events.

Объект исследования настоящей статьи — денежные знаки как инструменты способов рассказывания о том, как живут народы той или иной страны в определенное время. В работе исследуется нарративная составляющая монет и банкнот с точки зрения визуализации событий, отображенных в нарративах сюжетных линий определенного рода банкнот. С позиции междисциплинарного дискурса представляется актуальным предпринять попытку изучения сюжета и событийности некоторых купюр. В заданном ключе нарратив выступает как способ познания, тип дискурса и определенного рода ресурс для исследования такого пути подачи информации о различных эпохах и исторических достижениях, как деньги. Исследование нарратива в таком аспекте актуализирует проблемы феноменологии восприятия когнитивной деятельности, возможности репрезентации определенного рода событий, выраженных не в художественной или научно-популярной литературе, а в виде некоего общего психического опыта, переживаемого целой эпохой.

В гуманитарных науках нарратив определяется как коммуникация, осуществляемая на трех уровнях, где переход от одного уровня к другому следует рассматривать как процесс. Зафиксируем эти уровни:

- уровень истории, где происходят действия и события;
- уровень повествования, где событиям придается некоторая структурная организованность и где события из уровня истории приобретают вид рассказа о событии;
- уровень наррации, где смыслопорождающий акт находит выражение в интерпретации и рефлексии [1, с. 19, 31].

В таком контексте понимаемый нарратив воспринимается в денежных купюрах как некоторый опыт соотношения форм идеального, духовного и материального в природных и социальных явлениях. Такой опыт становится определяющим не только в обществе и науке, но и в образовании [2].

Дело с деньгами мы имеем ежедневно. Деньги сами по себе очень важны, и их изобретение по меньшей мере одно

из поворотных событий в истории человечества. Есть люди, которые посвящают свои жизни поиску и классификации монет (историки, археологи); есть те, кто собирает невероятные коллекции банкнот и монет (нумизматы); есть те, кто пишет о деньгах не только с точки зрения мировой экономики или политики, но и с позиции их исторической ценности. Но немногие отдают себе отчет в том, что банкноты и монеты представляют собой исторические документы, являющиеся в определенной степени символами, отражающими эпохи и события. В настоящее время ряд подобных исследований ведется, но зачастую это набор эклектично сочетаемых эвристических схем.

Деньги как нарратив в контексте накопления опыта и интерпретации фактов или их описания становятся в диалектическую оппозицию и к такому их пониманию, как «попытка создания метода универсального оценивания» [3, с. 56].

В то же время небезынтересно исследовать деньги не только с точки зрения экономики, но и с точки зрения семиотики, политики, философии в новом ракурсе. Предполагается, что именно при таком подходе, в котором акцент делается на символическом аспекте денег, идеологическая составляющая будет иметь решающее значение. Ведь в определенной мере вновь появляющиеся купюры формируют новое мировоззрение и придают новое значение действиям и событиям. Так, например, Гознак России с 2014 г. прямо транслирует присоединение Крыма. Семиотика и идеология нарратива, отражающая происходящее в определенных пространственно-временных рамках, оказывается тесно связанной и с географией, и с историей. И здесь уже искусство, соответственно идеям Ю. М. Лотмана [4], не изображает жизнь, а творит ее. Если вернуться к купюрам СССР, то мы увидим, что трехрублевая и пятирублевая банкноты СССР, выпущенные в 1938 г., изображают бойцов в касках и летчика на фоне истребителя, демонстрируя появление военных сюжетов, что несет ярко выраженную

агитационную нагрузку. В этом как раз проявляется идеологический потенциал манипуляций нарратива.

По предположению современного историка А. Е. Коныева, ставящего своей целью раскрытие образа страны через ее дензнаки, изображение на купюре подразумевает гораздо меньше вариантов интерпретации, чем текст [5, с. 8]. На каждом этапе истории России создавались свои денежные картинки, которые несли в себе строго заданное значение, предписанное им идеологией. Еще один представитель советской бонистики Ф. Г. Чучин отмечает, что «денежные знаки и боны наиболее объективные и красноречивые документы истории... они символизируют современные им политические события, войны, борьбу партий, смену властей, идеологию правящих классов. Эволюция общества, революционные скачки и сдвиги общественных классов, победы и поражения борющихся, открытые и скрытые закулисные влияния на данное правительство — все это находит свое отражение в бонах и дензнаках эпохи» [6, с. 3]. Картинка здесь выступает как нарратив, причем это транслятор историй, начинающихся, но имеющих ли завершение, — вопрос остается открытым.

Фотография это или картина, созданная художником, реальность или вымысел — в данном контексте не имеет значения. Визуальное переосмысление способно останавливать время и фиксировать фрагменты прошлого. Вместе с тем, исходя из задумки, изображение на банкноте всегда динамично. Оно как будто продолжает разворачивать определенное действие прямо сейчас, в тот момент, когда рассматривающий погружен в разглядывание изображения.

Нарративный потенциал схватывает контекстуальную сюжетную игру, а также запечатленные эмоции и движения, совмещая их в одной парадоксально фрагментарной и в то же время целостной картине. Сюжет банкноты стимулирует появление в сознании смотрящего на нее целого ряда интригующих вопросов, например, о том, почему на предвоенной трехрублевой купюре изображены два пехотинца с полной выкладкой, а на пятирублевой — летчик, словно замерший в ожидании приказа, на фоне боевого истребителя.

Размышляя о нарративном потенциале изображения, необходимо понимать вес, который придается автором изображения своему герою, который, в свою очередь, непременно вовлекает в игру наблюдающего. Так нарратив проявляет себя и задает результат своей деятельности, а вместе с тем фиксирует свою незавершенность.

Изображения на купюрах, касающиеся тех или иных исторических событий, дают возможность не забывать некоторые факты, биографии или сооружения, которые, возможно, уже малоизвестны современному пользователю данных банкнот. Попадая в поле внимания, такие денежные знаки невольно вызывают интерес к некоторым историческим событиям, в том числе и к неактуальным в данный момент или, наоборот, злободневным. Нарратив здесь схож с рассуждениями М. Фуко о дискурсе подавления, направленном на формирование нового типа власти, которая, как отмечает О. И. Николина, не столько приказывает и наказывает, сколько соблазняет и направляет, не столько запрещает думать о чем-либо, сколько провоцирует думать о чем-либо слишком много [7, с. 359].

Современный процесс глобализации охватывает все сферы жизни: развитие единых экономических отношений, интернациональных политических организаций, осуществление культурной унификации, установление универсальных жизненных ценностей. В рамках такого уподобления своего родного существующему в других странах, объединения и сближения культур для каждой страны важно сохранить свои национальные особенности и специфический народный дух. Не последнюю роль в этом играет номинация денежных купюр и монет как способ отражения действительности в определенное время и в определенном месте. В связи с этим важным представляется изучение лингвокультурологического и лингвострановедческого аспектов нарративов с позиций формирования и проявления научной онтологии и теории познания на основе концептуальной интеграции достижений гуманитарных наук в построении научной картины мира, находящихся свое отражение в междисциплинарных исследованиях, результаты которых станут захватывающей демонстрацией как в школах, в вузах, так и в музеях, на выставках, конференциях.

Современные деньги в виде криптовалюты способны иметь такой внешний вид, какой пожелает их создатель, а их создателем может стать любой человек.

Семиотика в нумизматике открывает новое в измерении экономики и закладывает рыночные смыслы, которые не задаются извне другими символами. Эквивалентный обмен как в денежном контексте, так и в идеологическом констатирует двойственность стоимости: меновой и потребительской. В «Либидинальной экономике» Ж.-Ф. Лиотар утверждает, что возникает круг эквивалента, который усиливается, расширяется и захватывает все социальное и культурное пространство. Следует заметить, что при этом он не захватывает весь жизненный мир человека, человек этому сопротивляется. В сопротивлении кругу эквивалента, как тезиса и ядра новой социальной реальности, мир производит разрозненные антитезисы в виде локусов самозамыкания, от натурального хозяйства до изолированных от внешнего мира семей, сокровищ, мастерских художника, творческих объединений, в которых отношения между людьми строятся противоположным эквивалентному обмену образом. Здесь создается собственный мир, который определенно включает в себя приведенный круг эквивалента, но в то же время ему же и противостоит.

Круг порождает антитезисы в отчужденной форме, которые вынуждены, с одной стороны, противостоять обмену, с другой — производить в себе иное. Это иное не может выражаться в денежном эквиваленте, оно нематериально. Действительность формируется сознанием, в то время как сознание этой же действительностью не только оперирует, но и интерпретируется, освобождается или, наоборот, оказывается заключенным в тиски в том или ином аспекте. Нарратив в этом круге строится не только и не столько по образцу и подобию нарратива, например, в литературоведении или истории. Отличительной чертой здесь становится преобладание идеологического аспекта над гносеологическим, создание мифологического образа денежных знаков в целом и определенного изображения на конкретной купюре.

Круги эквивалентов, которые сопутствуют нам в современной жизни, многообразны: это и институционализация науки, и интеллектуальное производство, и товарный обмен, и обмен научными достижениями. Все это находит свое отражение в нарративизации, в ее идеологическом или гносеологическом контексте. «Монета капитала в некотором смысле есть просто данное и отобранное, досрочное и отложенное время. Монета меркантилизма — нечто эротичное и смертельное» [8, с. 332]. Изображение на купюрах становится неким инобытием поверхности, в то же время следует понимать, что и внутреннее соответствие не отвечает всем чаяниям создателей данных идеологий, но в любом случае это работает. Также в отношении к деньгам проявляются базовые личностные установки (например, эгоизм — альтруизм) и социальные механизмы, к числу которых можно отнести принцип сжатия информации, который лежит в основе успешной организации социальных систем [9, с. 652]. И нарративы здесь играют ключевую роль, возможно, так же как и религии или мифологии, а возможно, как дуближ реальности, включающий в себя двусмысленность события как соединение невозможного и взаимоисключающего. Здесь соотносятся объективная, субъективная и виртуальная реальности, а специфика коллективного и социального познания находит свое отражение в современной эпохе.

Круг эквивалента, отталкивая подлинное, создает новое в себе и гонится за расширением и новизной. При этом даже в области науки этот круг порождает новый язык и развивается все больше не путем открытий, а путем порождения нарративов, которые уже не передают научным языком законы, открытые ученым, а рассказывают легенды про то, как они пригодятся в будущем. Эти нарративы, сопровождающие науку вначале, затем заменяют саму науку, но не заменяют знания. Так и с деньгами: знаки денег представляют собой особенные нарративы, включающие в круг эквивалента обмена символы эпохи. Они прибавляют к основной функции денег новые, символические, которые сопровождают деньги, делают их более глубокими и в контексте стоимости/потребления усиливают мощь круга эквивалента.

Если некие предметы были популярны и получили массовое распространение, то они в ходе символического круговорота не утрачивают, а наращивают свою собственную стоимость и становятся предметами коллекции. Коллекционирование здесь тем самым находится в тесных взаимоотношениях со все усложняющимися объектами и процессами, происходящими в механизмах и последовательных этапах создания принципиально новых решений в науке, технике и искусстве. Нарратив вокруг круга эквивалента создает символическую значимость определенных предметов, причем настолько большую, что они отправляются в коллекцию, получают самостоятельное существование. Как предметы коллекции они приобретают ценность, указывая на необходимость изменения критериев истинности, адекватности и практической результативности теорий. Если есть антитезисы, которые не включены в круг эквивалента, например любовь, то есть антитезисы, которые отключаются от этого круга, например коллекция.

Таким образом организованная нарративная передача здесь не только в виде текстов, но и в виде различных образов. «Понятие текста расширяется до семиотического концепта, включающего зрительный образ в статическом и динамическом исполнении» [10, с. 344]. Информация, попадающая в круг социальных отношений, нивелирует различие между культурами и языками. В Лиотаровском же понимании функция перенесения знака и наделяет все что угодно статусом реальности в либидинальной экономике, где природа знака как раз и состоит в том, чтобы без конца отсылать к другим знакам [8, с. 380]. Анализируя учение Маркса и сопоставляя его с учением Фрейда, Ж.-Ф. Лиотар приходит к заключению о нарративном характере сплавленных воедино минимум двух идей. Он описывает власть как вполне действенную потенциальность, которая не обходится без организации событий в прошлое и будущее и их соизмеримости или, по крайней мере, со-постижимости [8, с. 369].

«В обменном знаке кроется тензор — и наоборот. Во власти кроется сила — и наоборот», — пишет Лиотар, подразумевая, что деньги становятся показателем, определяющим оценочные отношения между количеством благ, их предложением и спросом, а также акцентируя внимание на них как на инструменте эроса, который делает свой вклад в жизнеспособность мирового рынка [8, с. 337–338]. Так же как в телевидении или рекламе, возникновение смыслов зависит от взаимодействия изображений и начертания знаков на денежных купюрах. Значение здесь может быть понято как процесс, как акт, объединяющий означаемое и означающее в Бартовском смысле [11, с. 307].

Статьи и книги про купюры и монеты позволяют нам больше узнать об истории возникновения денег, истории редких древних и современных монет и денежного оборота, о том, где и как чеканили монеты и печатали банкноты, валюты каких стран являются самыми загадочными и интересными. Из них мы узнаем о том, что деньги делали из различных материалов, придавали им различные формы, проделывая отверстия и запечатлевая правителей, ученых, изменивших мир, монументы, войны и революции. По сути, это хранители информации о богах, героях, событиях. Монеты и банкноты — это свидетели эпохи, но свидетели не молчаливые, а способные рассказывать свои истории, отражать и показывать, а порой даже кричать о них, чей нарратив может исподволь трансформировать сознание использующих их людей. Невероятно, как одна банкнота или монетка может заключать в себе историю эпохи, в которой она была выпущена или отчеканена! Таким способом можно исследовать нарративную составляющую банкнот с точки зрения визуализации событий, отображенных в нарративах сюжетных линий денежных знаков.

1. Пастухова Е. В. Нарратив в контексте субъективности : дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2005. 149 с.

2. Кондина А. С. Опыт проведения практических занятий тренинга межкультурной коммуникации по формированию навыков межкультурного общения с участниками краткосрочных образовательных международных программ // Ом. науч. вестн. 2013. № 4 (121). С. 148–151.

3. Кочнев Р. Л., Цветухина Е. А. Цена анонимности: бытие денег или бытие без денег? // Ом. науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность. 2017. № 3. С. 55–58.

4. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М. : Языки русской культуры, 1996. 464 с.

5. Коняев А. Е. Бумажное лицо империи. «Царские» денежные знаки на переломе российской истории начала XX века : книга научных очерков. Ярославль : Ремдер, 2007. 68 с.

6. Каталог бон и дензнаков России, РСФСР, СССР, украин и образований (1769–1927) / под ред. Ф. Г. Чучина. М. : Сов. филателист. ассоциация при Комиссии ВЦИК фонда им. В. И. Ленина помощи беспризорным детям, 1927. 171 с.

7. Николина О. И. Феномен любви в бытии человека: онтологический аспект : дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2015. 427 с.

8. Лиотар Ж.-Ф. Либицинальная экономика / пер. с фр. В. Е. Лапицкого ; науч. ред. пер. С. Л. Фокин. М. ; СПб. : Изд-во Ин-та Гайдара ; фак. свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с. (Новое экономическое мышление).

9. Гидлевский А. В., Максименко Л. А. Альтруизм и эгоизм как базовые детерминанты бытия человека // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-3. С. 649–653.

10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.

11. Барт Р. Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма : пер. с фр. М. : Акад. проект, 2008. 431 с.

© Пастухова Е. В., 2020

УДК 101.1

Науч. спец.: 09.00.13

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-26-26-30

НАПРАВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье анализируется современное понимание культурно-исторического развития. Отмечается готовность человеческого сознания к концептуально новому объяснению мира в целом, отраженному в методологии естественных и социогуманитарных наук и философии. Понимание культурно-исторического развития как разнонаправленного, неструктурированного, неконтролируемого, неуправляемого, неоднородного процесса соответствует современной постнеклассической научной рациональности. Отрицается возможность сравнения культур как развитых и неразвитых, отстающих и догоняющих. Каждая культура рассматривается как самодостаточная, самореферентная, автопоэтическая система с собственным хронотопом и семантикой существования. В качестве характеристик культурно-исторического развития указываются ненаправленность и непредсказуемость перемен, отсутствие надежд на окончание вынужденных перемен и возвращение общества к состоянию покоя, исчезновение иллюзий о достижении совершенного общественного устройства, перманентность состояния растерянности, неопределенности и непреодолимость мультикультуральности.

Ключевые слова: культурно-историческое развитие, устойчивость, изменчивость.

Категория развития является общенаучной и определяется философией как процесс направленного, необратимого, качественного изменения, движения. Уже классическая онтология признает за движением такие свойства, как всеохватность, постоянство, обусловленность внутренней природой движущегося объекта, абсолютность. В сообществах, где тысячелетиями не менялся уклад жизни, изменения,

ORIENTATION OF CULTURAL AND HISTORICAL DEVELOPMENT

The article analyses the modern understanding of cultural and historical development. The author indicates readiness of the human consciousness for a conceptually new explanation of the world as a whole, reflected in the methodology of natural and socio-humanitarian sciences and philosophy. Understanding of cultural and historical development as a multidirectional, unstructured, uncontrolled, unruly, heterogeneous process corresponds to the modern post-nonclassical scientific rationality. It denies the possibility of comparing of cultures as developed and undeveloped, lagging behind and catching up. Each culture is considered as a self-sufficient, self-referential, autopoietic system with its own chronotope and semantics of existence. The characteristics of cultural and historical development are non-orientation and unpredictability of changes, lack of hope for the end of forced changes and the return of society to a state of rest, the disappearance of illusions about achieving a perfect social order, the permanent state of confusion, uncertainty and the irresistibility of multiculturalism.

Keywords: cultural and historical development, stability, variability.

конечно же, происходили постоянно: рождались и умирали люди, видоизменялись орудия трудовой деятельности, уменьшалось и увеличивалось поголовье скота и т. д. Однако эти изменения носили количественный характер, не приводя к изменению антропологического типа человека и качественному переустройству общества. Лишь общество модерна обнаруживает тенденцию ускорения развития,